

УДК 342.721

Конституционно-правовые ценности – конституционно-правовое выражение свободы

Ланс Андрей Николаевич

Аспирант,
кафедра конституционного и административного права,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: lansandrey@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам свободы, безопасности и конституционно-правовых ценностей. Автор показывает, что существуют, как минимум, три представления о свободе, которые имеют конституционно-правовое значение: естественная свобода, конституционно-правовая свобода и свобода в фактически-социальном виде. При этом автор приходит к выводу, что естественная свобода и конституционно-правовая свобода есть лишь идеалы свободы, которые для лучшего понимания их сущностно-эмоционального смысла следовало бы именовать субъективной и объективной свободой соответственно. Оба идеала имеют непосредственное влияние на фактическое формирование у людей представлений о свободе. В статье показано как субъективные (естественные) и объективные (конституционно-правовые) представления о свободе наполняют конституционные нормы о правах и свободах конкретным смыслом. В статье доказывается, что конституционные права и свободы человека и гражданина являются непосредственным динамическим выражением свободы в ее естественном (субъективном) и конституционно-правовом (объективном) смыслах. При этом в статическом смысле свобода – это независимость и неприкосновенность. Конституционные права и свободы, будучи динамическим выражением свободы, выстраиваются по собственной аксиологической иерархической модели, отличной от субъективных представлений. Вершиной и одновременно фундаментом конституционно-правовой аксиологической иерархической модели является абсолютная по форме конституционно-правовая ценность «достоинство личности», выраженная в ст. 21 Конституции РФ в виде права на охрану достоинства личности. Достоинство личности, будучи элементом права на личную неприкосновенность, является абсолютной и самостоятельной конституционно-правовой ценностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Ланс А.Н. Конституционно-правовые ценности – конституционно-правовое выражение свободы // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 7А. С. 165-180.

Ключевые слова

Конституция Российской Федерации, конституционно-правовые ценности, свобода, достоинство личности, право личной неприкосновенности.

Введение

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы представляют собой высшую ценность. Очевидно, что права и свободы являются разновидностями социальных благ, поскольку без них невозможно цивилизованно приобрести другие социальные блага: «нет права – нет и обладания объектом». Логично предположить, что права и свободы человека и гражданина установлены в Конституции РФ для того, чтобы упорядочить реализацию свободы человека, устранив всякий произвол, который может чиниться на пути свободного обретения иных социальных благ.

Любая социальная ценность, являясь идеальным выражением значимости объекта человеческого интереса, занимает свое место в иерархии человеческих ценностей. Следовательно, и конституционно-правовые ценности (права, свободы, гарантии¹), являясь разновидностями социальных ценностей, объективно имеют свою иерархию, которая, по нашему мнению, выстраивается так, чтобы устранить всякий произвол при реализации свободы. Однако и это является предположением, которое надлежит подтвердить или опровергнуть.

Представления о свободе и свобода в конституционном праве

По нашему мнению, свобода в конституционном праве имеет понимание, отличное от социального. И это объясняется следующим. В своем идеальном *статическом* смысле свобода характеризуется одномерностью. Поэтому на данном уровне абстракции «свобода» едина и неразделима и употребляется в языке в форме единственного числа – «свобода». Между тем социальный идеал свободы, как представляется, имеет две стороны своего проявления, точнее,

¹ Гарантии выделяются нами в особую группу, отличную от прав и свобод, так как они имеют свою специфику конституционно-правового выражения свободы. При этом в гарантии мы включаем и обязанности. Иногда в тексте настоящей работы гарантии не выделяются и конституционно-правовые ценности употребляются в привычном значении как права и свободы.

две стороны своего *динамического* проявления: субъективное и объективное. К субъективному проявлению относится индивидуальное восприятие конкретным человеком *своей* свободы; к объективному – представления о свободе, выраженные в массовом сознании. Вместе с тем, субъективное восприятие в каких-то моментах может учитывать объективные представления о свободе так же, как на массовое восприятие свободы может иметь влияние на индивидуальное понимание (проявление) свободы – например, понимание свободы лидером государства, партии или иного объединения людей. Хотя отделить субъективные представления о свободе от объективных порой не просто, но все же возможно.

Представляется правильным, что субъективное восприятие свободы мыслится субъектом как ничем не ограниченное распоряжение собой: своим временем, способностями, имуществом и т. п. Субъективное восприятие свободы проявляется как произвольное ее осуществление. Сложнее обстоит дело с определением свободы в объективном смысле. По нашему мнению, свободу в объективном смысле можно сравнить со свободой, в которой отсутствует произвол ее осуществления. Объективное проявление свободы ставится в своеобразные рамки при помощи разных социальных регуляторов: морали, права, религии. Однако в них такие категории как добро и зло, справедливое и несправедливое, наполняются особым смыслом. Споры, возникающие в обществе, по-разному разрешаются в рамках морали, права или религии. При осуществлении свободы в объективном смысле прекращается «война всех против всех».

Выражаясь словами Томаса Гоббса и Жан-Жака Руссо, естественное состояние сменяется гражданским. Таким образом, произвольная (субъективная) свобода человека сменяется свободой гражданской (объективной). При этом реализация гражданской свободы контролируется учрежденной для этого властью – гражданской властью. Между тем, люди, реализующие эту власть, нередко осуществляют ее не по прямому назначению. В связи с этим у людей «возрождаются» представления о естественной свободе. Через понимание естественной свободы людьми обосновывается ограничение власти: люди, добровольно отказываясь от естественной свободы, обретают свободу гражданскую, которая является, по замыслу такого отказа, свободой, лишенной произвола свободы других лиц, следовательно, власть может ограничивать естественную свободу лиц только в этих целях. Разумеется, власть не может при этом действовать произвольно. На этом, по нашему мнению, и основана идея современного *конституционного* права, которая ограничивает всякий произвол, включая произвол власти.

Интерпретируя сказанное, можно говорить, что на первом этапе исторического развития люди, отказываясь от естественной свободы, ограничиваются или вовсе лишаются произвольного ее употребления (то есть употребления свободы в ущерб свободе другого). Для контроля за реализацией свободы властью наделяются определенные лица, которые образуются

в особый общественный институт – государство. На втором – общество ограничивает власть имеющих людей от произвола ее употребления (во всяком случае, люди пытаются это делать). Это вызвано тем, что свобода людей, находящихся в гражданском состоянии и имеющих власть, имеет за счет власти более широкие возможности ее использования по сравнению с людьми, находящимися в гражданском состоянии и власть не имеющими. Люди, власть имеющие, используют власть не только для ограничения произвола свободы других людей, но и в угоду себе. И поскольку происхождение власти, как правило, имеет легитимное (законное) основание, то и произвол употребления власти приобретает новые формы: легитимные (законные).

Рассуждая об идеях Гоббса и Руссо по поводу естественной свободы и гражданского состояния, можно прийти к выводу, что эти идеи редуцируются до двух идеалов: идеала естественной свободы и идеала конституционно-правовой свободы². Подобная редукция позволяет лучше понять предназначение конституционного права (его регулятивную функцию): исключить произвол свободы. Между двумя идеалами свободы существует свобода реальная, наличная, социальная.

Таким образом, свободу человека можно определить, как свободу в трех представлениях: 1) свободу естественную³, 2) свободу конституционно-правовую и 3) свободу фактическую, наличную, или социальную⁴.

Неприкосновенность как конституционно-правовое выражение свободы

В процессе исторического развития общества идеал естественной свободы преобразуется в ее конституционно-правовой идеал. Так, в эпоху Возрождения, Просвещения и Нового времени большинством авторов человек в естественном состоянии представляется как независимый субъект. В это время обосновывается, что человек не может быть рабом и иметь над собой хозяина, человек может находиться в подчинении лишь в силу добровольно принятых на себя обязательств и практически в любом состоянии человек обладает неприкосновенностью (исключения составляют лишение или ограничение свободы за совершенные проступки)⁵. То

² Идеалы естественной и конституционно-правовой свободы было бы правильно именовать идеалами свободы в субъективном и объективном понимании соответственно. Это лучше, по нашему мнению, отображает их сущностно-эмоциональный смысл.

³ О естественной свободе с исторической точки зрения нам вряд ли что-то может быть достоверно известно. Поэтому правильно было бы говорить об этой форме свободы лишь как об идеале.

⁴ К такому пониманию можно прийти путем интерпретации известных произведений Жан-Жака Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического Права» (главы VI и VIII) и Томаса Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (главы VI и XIV).

⁵ Начиная с эпохи Возрождения, развиваются естественно-правовые идеи (Ж. Боден, Дж. Локк), которые в эпоху Просвещения (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо и др.) и нового времени приводят к утверждению и постепенному расширению личных и политических прав и свобод, а также отмене рабства [подроб. см. Нерсисянц, 2002, 179-183, 269-300].

есть в идеальном естественном состоянии свобода человека – это независимость и неприкосновенность. В современном конституционном праве эти идеи находят выражение в праве на свободу и личную неприкосновенность. При этом право личной неприкосновенности разделяется на несколько элементов.

Например, И.Л. Петрухин разделяет её на четыре элемента: 1) физическая неприкосновенность, то есть право на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, половую свободу; 2) нравственная неприкосновенность, то есть право на защиту чести, достоинства, нравственной свободы; 3) психическая неприкосновенность, то есть право на нормальное течение психических процессов; 4) личная безопасность, то есть право индивидуальной свободы, заключающейся в возможности располагать собой, своим временем, по своему усмотрению определять место своего пребывания, не находиться под чьим-либо наблюдением или охраной [Петрухин, , 195].

На первый взгляд, такое деление кажется вполне обоснованным: физическая, нравственная и психические неприкосновенность – разные проявления права на личную неприкосновенность. Личная безопасность – разновидность правомочия на защиту, являющегося элементом любого субъективного права человека (по другому это правомочие в теории права иногда называют правом притязания, что, может быть, не совсем верный термин) [Перевалов, 2007, 222-223; Суханов, 2004, 121-122⁶]. И, следовательно, с этой позиции под личной безопасностью понимаются не только возможности располагать собой, своим временем, по своему усмотрению определять место своего пребывания, не находиться под чьим-либо наблюдением или охраной, но и *существование человека без какой-либо опасности вообще*.

Между тем Конституция РФ напрямую не разделяет право личной неприкосновенности на перечисленные элементы. В главе 2 ст. 22 Конституции РФ содержится лишь норма о том, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Глава 2 Конституции РФ, помимо права на свободу и личную неприкосновенность, содержит иные права, раскрывающие правовое содержание свободы. Например, в ст. 20, 21, 23, 25, 41 Конституции РФ перечислены такие права, как право на *жизнь, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, неприкосновенность жилища, охрану здоровья*. Можно сказать, что содержащиеся в этих статьях права (в определенной совокупности или по-отдельности) охраняются почти все элементы права личной неприкосновенности по классификации И.Л. Петрухина. Так, права на жизнь и охрану здоровья защищают в совокупности физическую, и отчасти психическую, неприкосновенность личности. Права на

⁶ Однако нельзя признать верным, что другие элементы субъективного права, помимо правомочия (права) на защиту, выделяемые в названных учебниках, всегда являются элементом любого субъективного права.

неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища охраняют частные случаи нравственной неприкосновенности. Права на охрану достоинства, защиту чести и доброго имени защищают одновременно другие частные случаи нравственной и психической неприкосновенности. Исключение составляет личная безопасность. Она напрямую в этих статьях Конституции РФ не названа (впрочем, как и в других ее статьях). Но она с очевидностью выводится из этих конституционных прав как разновидность правомочия на защиту.

Между тем, в ст. 55 (часть 3), которая находится так же, как и ст. 20-23, 25, 41, в главе 2 Конституции РФ, содержится такое конституционно-правовое понятие (близкое по форме «личной безопасности») как «безопасность государства». Как сказано в ст. 55 (часть 3) Конституции РФ права и свободы человека могут быть ограничены (во всяком случае, большинство из них, и это бесспорно) в целях обеспечения безопасности государства.

«Безопасность» и «свобода» в конституционном праве

Понятие «безопасность государства» в конституционной практике и науке конституционного права все чаще толкуется не как безопасность каждого человека, а как безопасность общества в целом. При таком понимании предполагается, что права отдельно взятого человека могут быть ограничены, если большинство отдает предпочтение иным правам, нежели меньшинство. Считается, что большинство оказывает предпочтение безопасности. Это предпочтение выражается в требовании ограничить конституционные права в ее пользу. Сторонники ограничений конституционных прав и свобод в пользу безопасности обосновывают свои требования тем, что в новых условиях глобальных угроз в определенной степени необходимо ограничить конституционные права и свободы человека, переустраивая, тем самым, конституционные приоритеты в пользу ценности безопасности перед свободой [Зорькин, 2015, 3, 11]. Они считают, что «безопасность – фундаментальнейшая из человеческих свобод. Это безусловный императив всегда. И тем более сейчас в условиях объявленной миру террористической войны. В этих условиях ключевая и приоритетная обязанность государства – гарантировать гражданам главные человеческие свободы, то есть право на жизнь и безопасность. Особое значение этого приоритета в условиях войны определяет и возможные (частичные и соразмерные) ограничения других свобод, и необходимые (соразмерные и достаточные) трансформации правовой системы в направлении более выраженной «военной» суровости [там же, 11].

Однако у сторонников этой точки зрения имеются оппоненты, которые считают, что необходимо не ограничивать конституционные права и свободы человека, а защитить их посредством установления надлежащего баланса между свободой и безопасностью [Баум, 2015,

33]. Представители данной точки зрения выступают *против* дисбаланса свободы и безопасности, обосновывая это тем, что главная задача государства заключается «не в отражении возможных угроз, а в защите людей от реальных опасностей» [там же, 37]. Поэтому государством должна быть установлена «*возможность для разумного обсуждения* баланса между свободой и безопасностью в рамках конституции, позволяющая не впасть в крайности» [там же, 33] (курсив наш. – А. Л.), так как в противном случае государство, «подобно Левиафану, в ответ на обеспечение безопасности и порядка требует от своих граждан послушания, а то и полного отказа от свободы» [там же]. Они считают, что с установлением тотального режима безопасности человек не избежит опасности, а лишь утратит свою свободу. Надо помнить, пишут они, что опасность есть неотъемлемая часть свободы [там же, 38].

Несмотря на противоречие указанных точек зрения друг другу, каждая из них кажется обоснованной и убедительной. Тем более что обе исходят от людей, которые имеют или имели непосредственное отношение к государственной юстиции и до сих пор стоят на страже конституции и прав личности, хотя и выступают при этом в разных ролях⁷. Но если посмотреть более внимательно, вторая точка зрения видится более обоснованной. Тем не менее, на наш взгляд, и та и другая точка зрения не могут быть приняты в полной мере по следующим основаниям.

1. Свой анализ хотелось бы начать со второй точки зрения, так как он является не столь объемным как первой, так как вторая точка зрения практически не вызывает у нас возражений, за исключением следующего. Трудно согласиться со *второй точкой зрения* в той части, что опасность есть неотъемлемая часть свободы. Опасность есть неотъемлемая часть любой жизни: свободной, несвободной или ограниченно свободной. Вот только степень опасности у несвободных и ограниченно свободных людей *обычно* выше, чем у людей свободных, так как несвободные или ограниченные в ней люди не принадлежит себе, нередко (это в первую очередь касается рабов) являясь вещью в руках своего хозяина. Только для истинно свободного человека не существует опасности и этому способствует конституционное право, то есть реализации свободы без опасности.

Поэтому не опасность, а безопасность, с правовой точки зрения, может восприниматься как проявление человеческой свободы. Следовательно, нельзя противопоставлять свободу и безопасность, последняя есть проявление конституционно-правовой или объективной (но не субъективной или естественной) свободы.

2. Безопасность, по определению представителей *первой точки зрения* (сторонников

⁷ Валерий Дмитриевич Зорькин – действующий Председатель Конституционного Суда РФ. Герхард Баум – бывший Министр внутренних дел ФРГ (1978-1982), а ныне адвокат, специализирующийся на защите прав граждан, прежде всего, в Федеральном Конституционном Суде Германии.

ограничений конституционных прав и свобод в пользу безопасности), есть «фундаментальнейшая свобода». Но Конституция РФ не определяет безопасность как свободу. Это видно даже из текстуального анализа российской Конституции. В ней слово «безопасность» упоминается 12 раз. Из них один раз употребляется в названии органа («Совет Безопасности Российской Федерации» – пункт «ж» ст. 82). Четырежды слово «безопасность» употребляется в словосочетаниях «безопасность государства» и «безопасность людей»⁸. В ст. 71 (пункт «м»), в которой речь идет о компетенции Российской Федерации, понятие «безопасность» употребляется в сочетании «оборона и безопасность». В ст. 72 (часть 1, пункты «б» и «д»), закрепляющей предметы совместного ведения, оно употребляется в словосочетаниях «общественная безопасность» и «экологическая безопасность».

Хотя используемое в Конституции РФ понятие «безопасность государства» в конституционно-правовой теории и в практике Конституционного Суда РФ⁹ названа конституционно-правовой ценностью (и с этим мы согласны), напрямую Конституция РФ это ценностью не называет. Впрочем, Конституция РФ за редкими исключениями (ст. 2, 44, 74) не употребляет слово «ценность». Казалось бы поэтому ставить безопасность и свободу на одну чашу весов нет никаких формально-юридических оснований. Однако для этого есть формально-логические основания.

Понятия «безопасность» и «*правомочие защиты субъективного права*» – понятия, как минимум, пересекающиеся. Их пересечение наглядным образом видно в праве на личную неприкосновенность *в части* ее неотъемлемого элемента – права личной безопасности. В этом случае понятию «безопасность» формально-логически подчинено понятие «личная безопасность». Между тем знание о том, что понятие «безопасность», будучи родовым понятием по отношению к понятию «личная безопасность», но частично совпадая с понятием «*правомочие защиты субъективного права*», проясняет лишь то, что свобода, воплощенная в праве на личную неприкосновенность и в других конституционных правах и свободах, обретает механизмы для безопасного ее использования. Однако оно не проясняет того, как субъективное право может быть ограничено в пользу безопасности или как при помощи правовых средств можно достичь баланса между свободой и безопасностью. И нам ясно, почему этого сделать нельзя.

⁸ Понятие «безопасность государства» упоминается в ст. 13 (часть 5); ст. 55 (часть 3); ст. 82 (часть 1, абз. 2); ст. 114 (часть 1, пункт «д») Конституции РФ. Понятие «безопасность людей» – ст. 37 (часть 3); ст. 56 (часть 1); ст. 74 (часть 2); ст. 98 (часть 1) Конституции РФ.

⁹ См.: абз. 4 пункта 4 Постановления КС РФ № 14-П от 22.11.2000; абз. 4 пункта 2 Определения КС РФ № 61-О от 06.03.2001; абз. 2 пункта 4.1. Постановления КС РФ № 9-П от 23.04.2004; абз. 5 пункта 2 Постановления КС РФ № 9-П от 16.07.2008; абз. 1 пункта 2.1. Постановления КС РФ № 16-П от 29.06.2012; абз. 3 пункта 2 Постановления КС РФ № 23-П от 10.11.2016 и др.

Невозможно установить баланс между родом и видом, так как род всецело поглощает вид (если считать, что безопасность – это вид свободы, то есть «фундаментальнейшая свобода»), а уж тем более нельзя ограничить вид в пользу рода, так как вид есть некоторая (ограниченная) часть рода. С формально-логической точки зрения понятия «безопасность» и «свобода», будучи понятиями, максимально общими, есть понятия разных классов. Однако видовые отличия этих понятий образуют новый класс понятий. На примере «личной безопасности», которая будучи элементом права на личную неприкосновенность есть выражение социальной свободы, видно, как на данном уровне абстракции свобода и безопасность (в этом видовом отличии) образуют новый класс. Остается лишь разобраться с родом этого класса, что, вероятно, невозможно без ценностного измерения – аксиологической модальности.

Достоинство личности в конституционном праве как фундаментальное выражение свободы

Наибольшее затруднение при выявлении общего понятия класса в контексте «свобода-безопасность» видится в соотнесении между собой видовых понятий из рода «безопасность». Поэтому, на наш взгляд, начать анализ необходимо именно с них.

Очевидно, что формально-логически понятие «личная безопасность» не совпадает с приведенными формами словосочетаний, используемых в ст. 13 (часть 5), 37 (часть 3), 55 (часть 3), 56 (часть 1), 74 (часть 2), 82 (часть 1, абз. 2), 114 (часть 1, пункт «д»), 98 (часть 1) Конституции РФ: «безопасность государства», «безопасность людей» и т. д. Однако, как это ни парадоксально, все видовые отличия этих понятий связаны с понятием «государство». Объяснение кроется в том, что понятие «государство» имеет разные определения. Омонимия понятия «государства» связана с тем, что оно по-разному определяется (представляется в сознании людей) при его контекстном употреблении.

Государство иногда воспринимается как некоторая условная личность, что неизбежно порождает противопоставление государства человеку, обществу. Это отчетливо видно, когда государство выступает в роли субъекта управления, а общество, человек – в качества объекта управления. В первом случае субъекту управления (А) формально-логически противостоит объект управления (Б). Следовательно, в этом смысле под «безопасностью государства» мыслится не что иное, как безопасность его представителей или как безопасность самой государственной системы. Поэтому «личная безопасность» и «безопасность государства» с формально-логической точки зрения в данном смысле есть понятия несовместимые, поскольку акцент понятия «безопасность государства» в этом случае делается на государстве-личности, то есть на представителях, действующих в государственной системе от имени условной личности

(фигуры) – государства. В этом смысле «безопасность государства» является элементом права на защиту представителей государства и/или государственной системы в целом, тогда как «личная безопасность» – элементом права на неприкосновенность человека (личную неприкосновенность), то есть безопасность лица, действующего от собственного имени.

Порой государство воспринимается и как публично (государственно) организованное общество, где общество первично по отношению к государственной власти [Мамут, 2001, 5-14]. В этом смысле понятие «личная безопасность» подчиняет себе понятие «безопасность государства», так как под последним мыслится *личная безопасность каждого человека*. Следовательно, понятие «личная безопасность», являясь элементом права личной неприкосновенности и подчиняя себе понятие «безопасность государства», включает понятие «безопасность государства» в состав права на личную неприкосновенность. Тем не менее в таком случае возникает противоречие между правом на личную неприкосновенность, закрепленным в ст. 22 Конституции РФ, и понятием «безопасность государства», названным в ст. 55 (часть 3) Конституции РФ в качестве основания для ограничения федеральным законом довольно широкого круга прав, перечисленных в Конституции РФ, включая и *право на личную неприкосновенность*. Элемент права не может ограничить само право.

Тогда остается лишь противопоставить личную безопасность безопасности государства. Но этого также сделать нельзя, так как это противоречит части 3 ст. 55 Конституции РФ. При ограничении права на личную неприкосновенность федеральным законом в целях безопасности государства последняя (безопасность государства) тем самым приобретает приоритет перед личной безопасностью. И в этом случае возникает некоторого рода парадокс: «безопасность государства» подчиняет себе «личную безопасность», лишая право личной неприкосновенности какой-либо защиты, тем самым превращая это право в декларацию.

Как видим, выйти из этого тупика возможно, если допустить, что какой-либо из элементов права на личную неприкосновенность не может быть ограничен в пользу ценности «безопасность государства». Таким элементом права на личную неприкосновенность, по нашему мнению, является человеческое достоинство. Это утверждение объясняется в первую очередь с объективных (социально-психологических) позиций.

По меткому замечанию Эриха Фромма, *чувство гордости и достоинства есть духовный стержень человека* [Фромм, 2016, 88]. «Мы не можем, – писал он, – поступиться также новым демократическим принципом, утверждающим, что никто не должен голодать, что общество ответственно за всех своих членов, что никто не будет вынужден – страхом безработицы и голода – к подчинению и потере человеческого достоинства (курсив наш. – Л.А.)» [там же, 197]. По его мнению, независимость и достоинство человека – это свобода в ее позитивном

смысле [там же, 97]. Другими словами, достоинство личности есть непоколебимый стержень человеческой свободы, утрата которого ведет к утрате человеческой личности (он становится вещью – рабом) или вовсе к уничтожению индивида (к его физической гибели¹⁰). А если это так, то и *право* немислимо без непоколебимой ценности человека – его достоинства.

И действительно, существование человека немислимо без сохранения достоинства потому, что предположим, *утрачивая телесную неприкосновенность* (например, при применении силы при его задержании как подозреваемого) человек не перестает быть человеком. Поэтому с точки зрения права он не может быть подвергнут такому насилию или иному обращению, которое может унизить его человеческое достоинство. Следовательно, это право не должно быть нарушено даже в самых чрезвычайных жизненных обстоятельствах (войнах, катастрофах и т. п.).

Можно утверждать, что *«личная безопасность»*, являясь элементом *достоинства личности*, составляет *нерушимый стержень человеческой неприкосновенности*. Без ценности достоинства существование человека как личности невозможно. Право на личную безопасность выражается не только в запрете ставить в опасность личное достоинство, но и в запрете *ставить в опасность* неотъемлемо связанные с личным достоинством *иные проявления неприкосновенности*: физическую (жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, половую свободу), нравственную (честь, нравственную свободу) и психическую неприкосновенность.

В содержательном системном единстве психическая и нравственная неприкосновенность в целом составляют единое правовое выражение свободы – право на *достойную жизнь человека*. Поэтому нравственная и психическая неприкосновенность не могут быть ограничены. Следовательно, можно говорить, что *существует абсолютное право личного достоинства*, составным элементом которого является *«личная безопасность»*. Лишь в этом качестве *личная безопасность* помещается на высшую ступень конституционно-правовых ценностей. И лишь в смысле *«личной безопасности»* конституционно-правовое понятие *безопасность* является фундаментальной свободой (так как она в первую очередь составляет «защитительный» элемент достоинства личности). И только в смысле *личной безопасности* каждого конституционно-правовая ценность *«безопасность государства»* стоит на защите человека, его прав и свобод.

¹⁰ Не секрет, что некоторые тяжелые жизненные обстоятельства, принижающие достоинство человека, особенно такого, кто им очень дорожит, может привести даже к самоубийству.

Заключение

Мы убеждены, что у читателя осталось немало вопросов относительно категорий «свобода» и «безопасность». И действительно, «свобода» и «безопасность» – те сложные понятия, над определением которых спорят в различных науках. Дискуссии по их определению не утихают и в науке конституционного права. С принятием Конституции РФ, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), они приняли новое качественное измерение – ценностное (аксиологическое) конституционно-правовое измерение.

В настоящей статье мы попытались доказать, что понятия «свобода» и «безопасность» имеют собственное конституционное наполнение, базирующиеся на фундаментальной правовой ценности – «достоинство личности». Фундаментальность ценности «достоинство личности» проявляется в том, что она является абсолютным выражением относительной социальной ценности – свободы. Достоинство личности – высшая конституционно-правовая ценность.

Разумеется, свобода под воздействием объективных потребностей проявляется в конституционном праве не только в ценности «достоинство личности», но в других конституционно-правовых ценностях. Например, она проявляется в праве на свободу (ст. 22, часть 1, Конституции РФ). Реализация этого права ставится в такие рамки, что оно не может быть осуществлено в ущерб свободе других лиц (ст. 17, часть 3, Конституции РФ).

Таким образом, Конституция РФ устанавливает такое ценностное измерение свободы, при котором формируется своеобразная иерархическая аксиологическая модель, выстраивающаяся сверху вниз от абсолютной ценности к относительным, целью которой является устранение произвола в реализации свободы.

Библиография

1. Арутюнян А.А. Конституционализм: проблемы постсоветской реальности. М.: Норма, 2013. 160 с.
2. Баум Г. Спасти права человека. М.: Сектор, 2015. 136 с.
3. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Вып. 2. М.: Юрист, 2014. 184 с.
4. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 554 с.
5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt>

6. Суханов Е.А. (ред.) Гражданское право: в 4 т. Т. I. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2004. 736 с.
7. Зорькин В.Д. Право против хаоса // Российская газета. 2015. № 265 (6836). 24 ноября.
8. Нерсесянц В.С. (ред.) История политических и правовых учений. М.: НОРМА-ИНФРА, 2002.
9. Краснов М.А. Л.С. Мамут и вечные вопросы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2(54). С. 7-17.
10. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.
11. Мамут Л.С. Метаморфозы восприятия государства // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: Институт государства и права РАН, 1996. С. 56-67.
12. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5-14.
13. Нерсесянц В.С. Ценность свободы как триединства свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: Институт государства и права РАН, 1996.
14. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt>
15. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М.: Юристъ, 2003. 256 с.
16. Перевалов В.Д. (ред.) Теория государства и права. М.: Норма, 2007.
17. Фромм Э. Бегство от свободы // А.И. Фет. Собрание переводов: Бегство от свободы. Революционный характер. Philosophical arkiv. Sweden, 2016. С. 217-231.
18. Петрухин И.Л. Комментарий к статье 21 Конституции РФ // Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий. М., Юристъ. С. 223-230.

Constitutional legal values as the constitutional and legal expression of freedom

Andrei N. Lans

Postgraduate,

Department of constitutional and administrative law,
National Research University "Higher School of Economics",
101000, 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lansandrey@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to the problems of freedom, security and constitutional and legal values. The paper shows that there are at least three conceptions of freedom that have constitutional and legal significance: natural freedom, constitutional-legal freedom and freedom in a factually social form. At the same time, the author comes to the conclusion that natural freedom and constitutional and legal freedom are only ideals of freedom, which, for a better understanding of their essential-emotional meaning, should be called subjective and objective freedom, respectively. Both ideals have a direct influence on the actual formation of people's ideas about freedom. The study shows how subjective (natural) and objective (constitutional-legal) ideas about freedom fill the constitutional norms on rights and freedoms with concrete meaning. The author proves that constitutional rights and freedoms of man and citizen are a direct dynamic expression of freedom in its natural (subjective) and constitutional-legal (objective) senses. At the same time, in the static sense, freedom is independence and inviolability. Constitutional rights and freedoms, being a dynamic expression of freedom, are built on their own axiological hierarchical model, different from subjective representations. The top and at the same time the foundation of the constitutional-legal axiological hierarchical model is the absolute constitutional-legal value "the dignity of the individual" expressed in Art. 21 of the Constitution of the Russian Federation in the form of the right to protect the dignity of the individual. The dignity of the individual, being an element of the right to personal inviolability, is an absolute and independent constitutional and legal value.

For citation

Lans A.N. (2017) Konstitutsionno-pravovye tsennosti – konstitutsionno-pravovoe vyrazhenie svobody [Constitutional legal values as the constitutional and legal expression of freedom]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7(7A), pp.165-180.

Keywords

Constitution of the Russian Federation, constitutional and legal values, freedom, dignity of the individual, right to personal inviolability.

References

1. Arutyunyan A.A. (2013) *Konstitutsionalizm: problemy postsovetskoi real'nosti* [Constitutionalism: Problems of post-Soviet reality]. Moscow: Norma Publ.
2. Baum G. (2015) *Spasti prava cheloveka* [Save human rights]. Moscow: Sektor Publ.
3. Bondar' N.S. (2014) *Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsennosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya* [Axiology of judicial constitutionalism: Constitutional

- values in the theory and practice of constitutional justice. V. 2]. Moscow: Yurist Publ.
4. Bondar' N.S. (2016) *Sudebnyi konstitutsionalizm: doktrina i praktika* [Judicial constitutionalism: Doctrine and practice]. Moscow: Norma: INFRA-M Publ.
 5. Fromm E. (1941) *Escape from freedom*. (Russ. ed.: Fet A.I. (2016) *Sobranie perevodov: Begstvo ot svobody. Revolyutsionnyi kharakter*. Philosophical arkiv. Sweden, pp. 217-231).
 6. Hobbes Th. (1651) *Leviathan or the matter, forme and power of common, wealth ecclesiaticall and civil*. (Russ. ed.: Gobbs T. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo*). Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt> [Accessed 11/05/17].
 7. Kirillov V.I., Starchenko A.A. (2003) *Logika* [Logics]. Moscow: Yurist" Publ.
 8. Krasnov M.A. (2016) L.S. Mamut i vechnye voprosy [L.S. Mamut and eternal questions]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Proc. of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2 (54), pp. 7-17.
 9. Mamut L.S. (1996) *Metamorfozy vospriyatiya gosudarstva* [Metamorphosis of the state perception]. In: *Problemy tsennostnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovlenie* [Problems of the value approach in law: traditions and renewal]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, pp. 56-67.
 10. Mamut L.S. (2001) *Sotsial'noe gosudarstvo s tochki zreniya prava* [The social state in terms of law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 7, pp. 5-14.
 11. Mikeshina L.A. (2007) *Epistemologiya tsennostei* [Epistemology of values]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ.
 12. Nersesyants V.S. (1996) *Tsennost' svobody kak triedinstva svobody, ravenstva i spravedlivosti* [The value of freedom as a triune of freedom, equality and justice]. In: *Problemy tsennostnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovlenie* [The problems of the value approach in law: traditions and renewal]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
 13. Nersesyants V.S. (ed.) (2002) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of political and legal doctrines]. Moscow: NORMA-INFRA Publ.
 14. Perevalov V.D. (ed.) (2007) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Norma Publ.
 15. Petrukhin I.L. *Kommentarii k stat'e 21 Konstitutsii RF* [Commentary on Article 21 of the Constitution of the Russian Federation]. In: *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: Nauchno-prakticheskii kommentarii* [The Constitution of the Russian Federation: Scientific and practical commentary]. Moscow: Yurist" Publ., pp. 223-230.
 16. Rousseau J.-J. (1762) *The social contract, or principles of political right*. (Russ. ed.: Russo Zh.-Zh. *Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo Prava*). Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/pravo.txt> [Accessed 11/05/17].

17. Sukhanov E.A. (ed.) (2004) *Grazhdanskoe pravo: v 4 t. T. I. Obshchaya chast'* [Civil law: 4 vol. V. 1. The general part]. Moscow: Volters Kluver Publ.
18. Zor'kin V.D. (2015) Pravo protiv khaosa [The right against chaos]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 265 (6836), 24th Nov.